

[...] It was not by chance that I left Rachmaninoff's concert (December 2) for last: I do not want to confuse this evening with the usual concert chronicle. This evening is interesting not because the new second sonata of the concert-artist was performed, but because of Rachmaninoff's incomparable piano work. Let us say it bluntly and definitely: no one in the world plays the piano like this anymore. The best pianists are to some extent one-sided: one is dominated by will and intellect, to the detriment of artistic spontaneity; another is poetic, but not flexible enough in transformations; a third lacks technical freedom; a fourth is consumed by school morality, and so on. But Rachmaninoff, at least, is all-encompassing in the performance of his works. How many moments of captivating sincerity and pensive poetry, and how much freshness in the techniques of piano playing! Indeed, from the point of view of modern piano theory, Rachmaninoff's techniques are often erroneous, often missing the mark, and precisely this ends up being most effective and has the most irresistible effect on the listener. You don't have to experience Rachmaninoff with inflated ears; you surrender yourself to him, you simply follow him as an indisputable force. This force of general musical talent often forces one to put up with music that one inevitably considers weak at home. That's why it's best not to talk about the second sonata for now, until it's published. I will only note one thing: in its outer sections there are many elements of the—remember—wonderful Prelude in B flat major from Op. 23. This prelude, with its design, here and there very clearly visible in the sonata, and its dominant mood of aspiration, before this sonata stood somehow apart in Rachmaninoff's oeuvre; now it is not alone. But perhaps a laconic prelude proves stronger than a grand sonata? We shall see. I am happy to note that our public has unconditionally appreciated Rachmaninoff as an exceptionally rich phenomenon of musical culture, and that he is now both a recognized and adored figure. Gr. Pr[okofiev]

[Translation: Google]

[...] Концертъ Рахманинова (2 декабря) не случайно оставилъ я для конца: не хочется путать этотъ вечеръ съ обычной концертной хроникой. Не тѣмъ интересенъ этотъ вечеръ, что исполнялась новая вторая соната концер-танта, а ни съ чѣмъ несравнимымъ фортепiаннымъ творчествомъ Рахманинова. Рѣшим-ся же прямо и опредѣленно сказать: такъ сейчасъ въ подлунномъ мiрѣ на фортепiано не играетъ никто. Лучшие изъ пианистовъ до нѣкоторой степени односторонни: у иного доминируетъ воля и умъ, въ ущербъ художественной непосредственности, другой и поэтиченъ, но не достаточно гибокъ въ перевоплощенiяхъ, третiй не обладаетъ техни-ческой свободой, четвертый-сѣдѣнъ школь-ной моралью и т. д., а Рахманиновъ по крайней мѣрѣ въ исполненiи своихъ сочине-нiй всеобъемлющъ. Сколько моментовъ за-хватывающей искренности и задумчивой по-эзи, и сколько свѣжаго въ прiемахъ форте-пiанной игры! Вѣдь съ точки зрѣнiя совре-менной теорiи фортепiанной игры въ прiемахъ Рахманинова много ошибочнаго, не бьющаго прямо въ цѣль, и какъ-разъ это оканчи-вается наиболѣе цѣлесообразнымъ и неотра-зимо дѣйствующимъ на слушателя. За Рахма-ниновымъ не приходится слѣдить «выпуча уши»; ему прямо отдаешь, за нимъ илешь, какъ за силой непререкаемой. Эта сила обще-музыкальной одаренности заставляетъ мирить-ся часто съ такой музыкой, что дома волей-неволей признаешь за слабую. Поэтому-то и не слѣдуетъ пока что, до выхода ее въ свѣтъ, говорить о второй сонатѣ. Отмѣчу лишь одно: въ ея крайнихъ частяхъ много элементовъ отъ-помните-чудесной прелюдii В-dur

изъ ор. 23. Эта прелюдія съ ея рисункомъ, кое-гдѣ очень отчетливо проступающимъ въ сонатѣ, и ея господствующимъ настроеніемъ устремленія, до этой сонаты стояла въ творчествѣ Рахманинова какъ-то особнякомъ; теперь она не одинока. Но быть можетъ ла-коническая прелюдія оказывается сильнѣе большой сонаты? Поживемъ, увидимъ. Я счастливъ отмѣтить, что наша публика без-условно оцѣнила Рахманинова, какъ исключительно-богатое явленіе музыкальной куль-туры, и что онъ теперь - и признанная, и обожаемая величина. Гр. Пр.